

И.С. Бердников

**Несколько слов по поводу
рецензий на исследование
профессора А. С. Павлова о
50-й главе Кормчей книги.
Москва 1887**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
И11

И11 **И.С. Бердников**
Несколько слов по поводу рецензий на исследование профессора А. С. Павлова о 50-й главе Кормчей книги. Москва 1887 / И.С. Бердников – М.: Книга по Требованию, 2024. – 91 с.

ISBN 978-5-518-05887-3

Отдельный оттиск из журнала "Православный Собеседник" за 1891 год.

ISBN 978-5-518-05887-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

и желанія противопоставить разбираемъ и опровергаемъ мнѣніямъ серьезную научную аргументацію.

По нашему мнѣнію, первое требованіе отъ серьезной ученой критики—это правдивость въ изложеніи разбираемаго мнѣнія. Не говоря о томъ, что правдивость обязательна для всякаго морально здороваго человѣка, она составляетъ необходимое условіе правильной и плодотворной ученой критики; безъ этого условія критика обращается въ пустое словопрение или непривлекательную перебранку, не приводящую ни къ какимъ серьезнымъ научнымъ результатамъ. Къ глубочайшему сожалѣнію, наша ученая критика очень часто погрѣшаетъ противъ этого столь естественнаго и столь простаго требованія. Не видимъ мы правдивости и въ рецензій г. Лашкарева. Въ ней руководящія взгляды и основныя положенія книги проф. Павлова изложены въ такой концепціи, что ихъ трудно узнать, а нерѣдко и понять. Часто рецензентъ приводитъ изъ книги отрывочную фразу, искажаетъ ея смыслъ, и на этомъ строитъ обвинительный пунктъ противъ автора книги. Приведемъ доказательства сказаннаго нами.

Характеризуя общую задачу сочиненія проф. Павлова, рецензентъ говоритъ: „въ данномъ сочиненіи профессоръ Павловъ принялъ на себя защиту каноническаго достоинства (или по другому выраженію: отстоять по возможности авторитетъ) 50-й главы Кормчей книги, какъ важнаго для науки источника русскаго брачнаго права, противъ монографіи о. Горчакова „О тайнѣ супружества“, посвященной изслѣдованію той же главы, но давшей результаты не въ пользу ея каноническаго значенія“. „Профессоръ Павловъ, прибавляетъ рецензентъ, не находитъ возможнымъ примириться съ устраненіемъ изъ области источниковъ дѣйствующаго права русской церкви статей такого рода, какъ Номоканонъ, печатанный при Трѣбникѣ, или 50 глава Кормчей книги, представляющихъ собою наслѣдіе, оставленное намъ патріаршимъ періодомъ нашей

исторіи“ (Христ. Чтен. 1890. Сент., стр. 468. 476). Въ приведенныхъ словахъ рецензента почти все сплошная ложь. Проф. Павловъ не поставлялъ своей задачей защищать каноническое достоинство 50-й главы Кормчей. Изъ самаго заглавія книги видно, что профессоръ Павловъ имѣлъ въ виду разсматривать 50 главу Кормчей какъ историческій и практическій источникъ русскаго брачнаго права. Эту же задачу для своей работы онъ указалъ и въ предварительныхъ замѣчаніяхъ о предметѣ своего изслѣдованія (стр. 7). Правда, вторая и третья глава сочиненія проф. Павлова содержитъ въ себѣ, по заглавію, историко-каноническій анализъ 50-й главы Кормчей. Но этотъ анализъ состоитъ въ томъ, что авторъ указываетъ въ этихъ главахъ, что новаго привнесла съ собою въ брачное право русской церкви 50 глава Кормчей, когда, какъ и въ какой мѣрѣ осуществлялись на практикѣ эти новыя нормы, и наконецъ въ какихъ отношеніяхъ 50 глава Кормчей доселѣ сохраняетъ значеніе источника дѣйствующаго права. Какъ видитъ читатель, содержаніе главной части изслѣдованія вполне отвѣчаетъ той задачѣ, какая указана авторомъ въ заглавіи книги и въ предисловіи. Вопросы о каноническомъ значеніи 50-й главы Кормчей проф. Павловъ касается только мимоходомъ, да и при этомъ опять не обнаруживаетъ тенденціи защитить ея каноническій авторитетъ. Въ сочиненіи проф. Павлова нерѣдко можно встрѣтить указанія на недостатки 50-й главы Кормчей съ православно-канонической точки зрѣнія. Напр.: на стр. 79—80 проф. Павловъ обращаетъ вниманіе читателя на одну оговорку 50-й главы Кормчей, въ которой допускается возможность дѣлать брачное оглашеніе и послѣ браковѣнчанія, только до тѣлеснаго совокупленія супруговъ. Это дозволеніе, объясняетъ проф. Павловъ, уместно въ католическомъ брачномъ правѣ, которое дѣлаетъ различіе между *matrimonium consummatum* и *matrimonium non consummatum* и признаетъ бракъ нерасторжимымъ только послѣ плотскаго совокупленія

супруговъ; оно не имѣло и не могло имѣть практическаго значенія въ православной церкви, не признающей никакого юридическаго значенія за консуммаціей. Затѣмъ на стр. 39—40, 162, 225, п. 5 проф. Павловъ говоритъ, что запрещеніе браковъ въ третьей и четвертой степеняхъ трехроднаго свойства допущено въ 50 главѣ Кормчей только по ошибкѣ ея издателей. Указаніе подобныхъ недостатковъ конечно не можетъ быть отнесено къ числу доказательствъ высокаго мнѣнія автора о каноническомъ достоинствѣ этой главы. Свое мнѣніе о каноническомъ достоинствѣ 50 главы Кормчей проф. Павловъ высказалъ въ слѣдующихъ словахъ: „каноническое достоинство статьи (т. е. 50 гл. Кормчей) опредѣляется ея согласіемъ или несогласіемъ съ основными канонами вселенской церкви. Но ничего несогласнаго съ этими первоисточниками православнаго брачнаго права статья въ себѣ не содержитъ. Если предписанія статьи относительно соблюденія родства при бракѣ простираются далѣе предѣловъ установленныхъ на вселенскихъ соборахъ, то это не можетъ быть поставлено ей въ упрекъ. Каноны вселенской церкви прямо нарушаются не высшею, а низшею мѣрою соблюденія ихъ предписаній. Позднѣйшее церковное законодательство о бракахъ, запрещенныхъ по родству и свойству, было не болѣе какъ распространительнымъ толкованіемъ древнихъ канонѣвъ, — усиленіемъ, а не ослабленіемъ ихъ дѣйствія“ (стр. 221—2). Такимъ образомъ проф. Павловъ усвоетъ предписаніямъ 50 главы Кормчей о родствѣ какъ препятствію къ браку каноническое значеніе на основаніи согласія ихъ съ правилами древней вселенской церкви. При томъ же онъ усвоетъ имъ значеніе не равное съ древними канонами, а меньшее. „Позднѣйшее законодательство, говоритъ онъ, въ сознаніи самой церкви никогда не имѣло одинаковой важности съ правилами, принятыми или утвержденными на вселенскихъ соборахъ; его предписанія всегда допускали возможность диспенсаціи, тогда какъ соотвѣтственныя постановленія

вселенскихъ соборовъ признавались безусловно обязательными для всей церкви и на всѣ времена“ (стр. 222). Гдѣ же тутъ стремленіе у проф. Павлова защитить каноническое достоинство 50 главы Кормчей? Приведенное выше сужденіе о каноническомъ значеніи предписаній 50 главы Кормчей не расходится съ мнѣніемъ на этотъ счетъ блаженной памяти московскаго митрополита Филарета, который выражается объ этихъ предписаніяхъ, что онѣ „не имѣютъ полной силы закона церковнаго“ (т. е. силы свойственной кореннымъ правиламъ вселенской церкви) и не могутъ считаться „строгими обязательными“ т. е. наравнѣ съ канонами древней церкви (Сборникъ, изданный по случаю празднованія столѣтняго юбилея со дня рожденія Филарета митрополита моск. Москва. 1883. т. I, стр. 632). — Несовсѣмъ правъ рецензентъ и въ противопоставленіи проф. Павлова, какъ защитника каноническаго достоинства 50 главы Кормчей, о. Горчакову, какъ послѣдователю противоположнаго взгляда. Правда, о. Горчаковъ утверждаетъ, что 50 глава Кормчей не могла имѣть каноническаго авторитета въ русской церкви, но утверждаетъ въ другомъ смыслѣ и на другомъ основаніи, чѣмъ какого держится рецензентъ. О. Горчаковъ отрицаетъ за 50 главой Кормчей каноническое значеніе въ русской церкви не потому, что эта статья произошла послѣ вселенскихъ соборовъ и не утверждена ими, — принципъ г. Лашкарева, — а потому, будто она не имѣла въ русской церкви никакого officialнаго значенія, а была просто „литературнымъ сочиненіемъ іерарха, не имѣвшаго въ предѣлахъ великорусской церкви никакой власти“ (Горчаковъ. О тайнѣ супружества. Спб. 1880. стр. 381). Если же бы допустить officialно руководственное значеніе въ русской церкви 50-й главы Кормчей¹⁾,

¹⁾ А такое значеніе необходимо допустить на основаніи фактовъ и выражений, встрѣчаемыхъ нами въ книгѣ самого о. Горчакова. Такъ о. Горчаковъ говоритъ: Издавшая митрополитомъ (киев-

то, по взгляду о. Горчакова, она чрезъ то самое должна была бы получить каноническое значеніе, соотвѣтствен-

скимъ) въ качествѣ наставленія (къ пониманію и совершенію таинства брака) статья безспорно должна была получить въ предѣлахъ кievской митрополіи обязательное значеніе источника церковнаго права. Такимъ образомъ по своему каноническому достоинству она—руководственное наставленіе первоіерарха, представителя высшей руководственной, надзирающей и распорядительной церковной власти, обязательное въ предѣлахъ кievской митрополіи (стр. 377). И послѣ воссоединенія кievской митрополіи съ великороссійскою церковію, статья (О тайнѣ супружества), помѣщенная въ Требникѣ (Петра Могилы), продолжала сохранять прежнее свое значеніе въ предѣлахъ воссоединенныхъ епархій. Мало того, въ XVIII в. изъ статьи по Требнику стали выписывать и цитовать правила въ дѣлахъ церковныхъ установленій и сѣверовосточныхъ епархій, никогда не входившихъ въ составъ кievской митрополіи. Русскіе іерархи XVIII в., происходившіе изъ кievскихъ ученыхъ и занявшіе должности въ сѣверо-восточныхъ епархіяхъ, придавали статьѣ тоже значеніе, какое она имѣла въ епархіяхъ, бывшихъ подъ властію кievскаго митрополита. И этого мало: дѣлались выписки изъ нея по Требнику и въ дѣлахъ св. Синода. Такъ было до 1766 года, когда послѣдовало запрещеніе употреблять Требникъ Петра Могилы въ качествѣ законодательнаго памятника (стр. 377—8). Затѣмъ статья о тайнѣ супружества была помѣщена въ печатной славянской Кормчей, но здѣсь, по мнѣнію о. Горчакова, потеряла свое значеніе церковно-законодательнаго памятника. Почему же? Потому, что въ Кормчей ни однимъ словомъ не упомянуто, чтобы эта статья была возведена соборомъ русскихъ іерарховъ въ значеніе законодательнаго памятника. Въ составѣ Кормчей, статья эта «есть не больше какъ литературное сочиненіе іерарха, не имѣвшего въ предѣлахъ великорусской церкви никакой власти», въ соотвѣтствіе тому, что и самая «Кормчая есть не болѣе, какъ сборникъ памятниковъ законодательства и церковнаго права» (подобный напр. тому, какой издалъ въ 1880 г. профессоръ Павловъ). Не смотря на все это, статья о тайнѣ супружества и въ составѣ Кормчей есть, по выраженію о. Горчакова, «сочиненіе оффиціально изданное по распоряженію патріарха нашей церкви, въ смыслѣ полезнаго для руководства въ практической дѣятельности приходскихъ священниковъ наставленія» (стр. 378—381). Надѣмся, нѣтъ надобности указывать, сколько внутреннихъ противорѣчій заключаетъ въ себѣ приведенная тирада изъ книги о. Горчакова; противорѣчія эти видны и понятны для всякаго внимательнаго читателя,

ное степени каноническаго авторитета церковной власти, надавшей ее, точно такъ же, какъ это было въ Константинопольской церкви (стр. 382). О. Горчаковъ не отрицаетъ каноническаго значенія за предписаніями церковной власти, изданными послѣ вселенскихъ соборовъ, подобно г. Лашкареву. По его словамъ, „въ каждой автокефальной помѣстной православной церкви безспорную каноническую важность имѣютъ — во-первыхъ правила, обладающія значеніемъ законодательства вселенской церкви, во-вторыхъ правила, составленныя и изданныя компетентными органами законодательной и распорядительной власти подлежащей помѣстной церкви. Компетентными органами церковной законодательной власти въ помѣстныхъ церквахъ, по правиламъ церкви вселенской, признаются соборы іерарховъ этихъ церквей. Компетентными органами распорядительной власти въ помѣстныхъ церквахъ являются церковно-правительственныя установленія (напр. Синоды) и лица (іерархи этихъ церквей) (стр. 373). Такимъ образомъ о. Горчаковъ, отрицая каноническое значеніе 50 главы Кормчей для русской церкви, противорѣчитъ не одному профессору Павлову, но и своимъ собственнымъ воззрѣніямъ на основныя начала законодательства православной церкви. Онъ расходится съ проф. Павловымъ только въ приложеніи основныя началъ оцѣнки каноническаго достоинства церковныхъ постановленій по отношенію къ 50 главѣ Кормчей, въ самыхъ же началахъ онъ вполне солидаренъ съ нимъ, что гораздо важнѣе перваго. Значитъ, г. Лашкаревъ напрасно видитъ въ о. Горчаковѣ союзника своимъ воззрѣніямъ на критерій каноническаго достоинства памятниковъ церковнаго законодательства; въ данномъ вопросѣ онъ на сторонѣ проф. Павлова. — Далѣе, неправъ г. Лашкаревъ и въ томъ, когда онъ говоритъ, будто проф. Павловъ не находитъ возможнымъ примириться съ устраненіемъ 50 главы Кормчей изъ области практическихъ источниковъ церковнаго права русской

церкви. Ни изъ чего не видно, чтобы проф. Павловъ усиливался придать 50 главѣ значеніе, какого она не имѣетъ. Онъ относится къ дѣлу совершенно объективно. Онъ причисляетъ 50 главу Кормчей къ числу такихъ источниковъ дѣйствующаго права русской церкви, которые „никогда не были формально и во всемъ своемъ содержаніи отмѣнены какимъ либо позднѣйшимъ законодательнымъ актомъ, но которые въ тоже время уже не удерживаютъ за собою прежняго практическаго значенія“ (стр. 3). Въ заключительныхъ выводахъ изъ своего изслѣдованія проф. Павловъ указываетъ опредѣленно тѣ пункты, въ которыхъ 50 глава еще доселѣ сохраняетъ значеніе непосредственнаго источника дѣйствующаго права русской церкви (стр. 224). Признавая 50 главу Кормчей источникомъ права не отмѣненнымъ формально, хотя и утратившимъ большую часть своего практическаго значенія, проф. Павловъ поступаетъ не произвольно, по какой либо особой симпатіи къ этой главѣ, какъ хочетъ дать понять рецензентъ, а по необходимости, во имя канонико-юридическаго принципа. „Пока, говоритъ проф. Павловъ, правила 50 главы Кормчей прямо не отмѣнены компетентною законодательною властію или не замѣнены новыми правилами, канонистъ обязанъ считать ихъ дѣйствующими“ (стр. 79). Съ нимъ согласенъ въ этомъ принципѣ и о. Горчаковъ, въ заключительныхъ строкахъ сочиненія котораго мы читаемъ: правительственная власть русской церкви обладаетъ каноническимъ авторитетомъ замѣнить всю 50 главу изданіемъ самостоятельнаго законодательнаго памятника или руководственнаго наставленія. Съ его изданіемъ 50 глава Кормчей отойдетъ въ рядъ такихъ источниковъ права, память о которыхъ сохраняется только въ исторіи церковнаго права (стр. 384). Что же можно сказать противъ этого общаго канонико-юридическаго принципа? На что можетъ опереться г. Лашкаревъ въ своемъ противоположномъ мнѣніи? Впрочемъ, какого мнѣнія

держится въ этомъ случаѣ г. Лашкаревъ, этого онъ не высказалъ прямо въ своей рецензіи. Обращаемся за указаніями къ сочиненію самого г. Лашкарева (Право церковное въ его основахъ. Изд. 2. Кіевъ. 1889, стр. 213); здѣсь мы находимъ Кормчую въ числѣ источниковъ дѣйствующаго права русской церкви. Въ виду того, что г. Лашкаревъ называетъ здѣсь Кормчую источникомъ дѣйствующаго права безъ всякихъ ограниченій и оговорокъ, мы въ правѣ заключить, что по его мнѣнію и 50 глава Кормчей есть источникъ дѣйствующаго права. Такимъ образомъ въ концѣ концовъ, не только о. Горчаковъ оказывается солидаренъ съ проф. Павловымъ въ началахъ оцѣнки каноническаго достоинства памятниковъ дѣйствующаго права русской церкви, но и самъ г. Лашкаревъ, къ немалому нашему удивленію, подаетъ ему руку единомыслия въ вопросѣ о практическомъ значеніи 50 главы Кормчей.

Не мало въ рецензіи г. Лашкарева и другихъ неправдъ въ передачѣ ученыхъ воззрѣній проф. Павлова. Такъ на стр. 473 рецензентъ говоритъ: если профессоръ Павловъ и признаетъ каноны вселенской церкви неизмѣнными, то въ смыслѣ лишь своего рода вѣхъ, указывающихъ направленіе, по которому должно идти дальнѣйшее развитіе церковнаго права. Между тѣмъ воззрѣніе проф. Павлова такое же, что и у всѣхъ. Оно выражено въ слѣдующихъ словахъ, уже приведенныхъ нами прежде: Законодательство (послѣ вселенскихъ соборовъ) въ сознаніи самой церкви никогда не имѣло одинаковой важности съ правилами, изданными или утвержденными на вселенскихъ соборахъ: его предписанія всегда допускали возможность диспенсаціи, тогда какъ соотвѣтственныя постановленія вселенскихъ соборовъ признавались *безусловно* обязательными для всей церкви и на всѣ времена (стр. 222).

На стр. 471 рецензентъ утверждаетъ, будто проф. Павловъ считаетъ канонизованными самымъ фактомъ внесенія въ Кормчую статьи и положенія гражданскія и по происхожденію и *по содержанію*. Между тѣмъ въ

указанномъ мѣстѣ книги проф. Павлова (стр. 3, прим. 2) называются канонизованными (посредствомъ внесенія въ Кормчю) отрывки Юстиніанова законодательства по дѣламъ церковнымъ, слѣдовательно—статьи гражданскія только по происхожденію, а по содержанию касающіяся церковныхъ отношеній. При томъ же на основаніи этого выраженія (канонизованный) рецензентъ обвиняетъ проф. Павлова въ увлеченіи католической доктриной о *lex canonisata*. Обвиненіе несправедливое. Тутъ простое созвучіе словъ при различіи мысли. Сущность католической доктрины состоитъ въ томъ, что государственныя постановленія по церковнымъ дѣламъ только тогда могутъ имѣть практическое значеніе въ области церковныхъ отношеній, когда онѣ изданы съ согласія церковной власти или утверждены потомъ ея санкціей; такіе законы и называются *leges canonisatae*. (Schulte. Das Katholische Kirchenrecht. 1860. Giessen. Th. I, p. 387—391). У проф. Павлова совсѣмъ не проводится мысли о томъ, чтобы государственныя постановленія по церковнымъ дѣламъ для своего практическаго значенія нуждались въ утвержденіи ихъ со стороны церковной власти посредствомъ ли особаго акта или посредствомъ внесенія ихъ въ номоканонъ. У него проскользнула просто фраза, что во второй части Кормчей помѣщены *такъ сказать* канонизованные отрывки Юстиніанова законодательства по церковнымъ дѣламъ“. Прибавка смягчающихъ словъ „такъ сказать“ ясно показываетъ, что авторъ употребилъ слово „канонизованный“ не въ собственномъ, а въ условномъ смыслѣ. Онъ хотѣлъ сказать, что государственныя постановленія по церковнымъ дѣламъ отъ совмѣстнаго употребленія ихъ съ церковными правилами на практикѣ и отъ сочетанія ихъ съ послѣдними въ одномъ кодексѣ, заключающемъ въ себѣ постановленія по церковнымъ дѣламъ, съ теченіемъ времени какъ бы обезличились, смѣшались съ церковными правилами, приводились за одно съ ними. Въ этомъ же приблизительно смыслѣ очевидно нужно понимать и другую фразу проф. Павлова подобнаго же

рода, впрочемъ гораздо болѣе рѣшительную: „опредѣленіе брака изъ Юстиніановыхъ Дигестовъ было принято въ канонической кодексъ восточной церкви—въ знаменитый номоканонъ въ XIV титуловъ, названо здѣсь наилучшимъ и такимъ образомъ формально сдѣлалось церковнымъ, каноническимъ“ (стр. 43). Конечно, указанное опредѣленіе брака не перестало быть постановленіемъ свѣтскаго закона и послѣ внесенія его въ канонической кодексъ тоже въ смыслѣ свѣтскаго закона; одобреніе, высказанное этому опредѣленію составителемъ номоканона, означало только, что это опредѣленіе по своему духу соответствуетъ и церковному пониманію брачнаго союза. Эту конечно мысль хотѣлъ выразить и проф. Павловъ своей фразой, которая по своей рѣшительности подала поводъ къ несправедливымъ выводамъ и обвиненіямъ со стороны придирчиваго рецензента. Что дѣйствительно государственныя постановленія по церковнымъ дѣламъ отъ совмѣстнаго употребленія съ церковными правилами иногда считались въ церковной средѣ за одно съ ними, это довольно извѣстно и можетъ быть подтверждено многими фактами изъ исторіи церковнаго права. Извѣстнѣйшій примѣръ этого представляетъ воззрѣніе на содержаніе номоканона константинопольскаго патріарха Михаила Анхіала. По его мнѣнію, все, что вошло въ номоканонъ, въ томъ числѣ и государственныя постановленія по церковнымъ дѣламъ, должно составлять неизмѣнную часть номоканона; изъ номоканона нельзя исключить ни одной строчки такъ же, какъ изъ св. Писанія (Вальс. Толк. на Номок. I. 9). Хотя этотъ взглядъ былъ признанъ въ свое время несостоятельнымъ съ юридической точки зрѣнія, но замѣчательно то, что онъ высказывался уже въ XII вѣкѣ и устами высшаго іерарха въ восточной церкви. Далѣе, подтвержденіе безразличнаго употребленія гражданскихъ постановленій въ смыслѣ церковныхъ правилъ мы находимъ въ томъ взглядѣ византійцевъ позднѣйшаго времени, по которому византійское общезитіе отождествлялось съ христіанскимъ благо-